

Маша Трауб

Нам выходить на следующей

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=592515

*Нам выходить на следующей / Маша Трауб: АСТ, Астрель; Москва;
2011*

ISBN 978-5-17-057446-9, 978-5-403-00665-1

Аннотация

В центре романа «Нам выходить на следующей» – история трех женщин: бабушки, матери и внучки, каждая из которых уверена, что найдет свою любовь и будет счастлива.

Маша Трауб

Нам выходить на следующей

Алла сидела и плакала в своей комнате. Вытерла слезы и пошла на кухню – мать стояла у плиты и готовила.

– Мам, мне плохо, – сказала она.

– Что, голова болит? Выпей таблетку, – ответила мать.

– Нет, не голова. Просто плохо.

– Так, давай приводи себя в порядок, у нас вечером гости.

Надо еще в магазин сходить – я майонез забыла купить.

– Мам, а давай просто посидим на кухне. Вместе. Я тебе про работу расскажу. И еще кое про что.

– Алуша, обязательно посидим. Только не сегодня. Ладно?

– Мама, я беременна. Что мне делать?

Аллу называли в честь бабушки. Маминой мамы – Аллы Сергеевны. Она бабушку не помнила, но очень хорошо ее себе представляла. Со слов мамы. Екатерина Андреевна рассказывала дочери историю их семьи. Какие-то моменты биографии остались в ее памяти эпизодами, люди сохранили только имена, а какие-то расплзались до самостоятельных историй, обрастали деталями и подробностями.

Алла Сергеевна, Алуша, была коренной москвичкой. Жила на Пятницкой. Работала машинисткой-стенографисткой. У нее была феноменальная память. Записанный текст могла пересказать по памяти слово в слово.

У Аллы Сергеевны был муж – красавец. Голубоглазый блондин Андрей Андреевич. Любил он жену больше жизни. Хотя они толком и не успели пожить. Только поженились, началась война. Андрей Андреевич ушел на фронт. Алуша отказалась ехать в эвакуацию и вслед за мужем записалась добровольцем.

И Алла Сергеевна и Андрей Андреевич прошли всю войну и остались живы. Чудо? Судьба? Чудо, но оказалось, что не судьба.

Алла Сергеевна в Москву не вернулась. Дошла до Орджоникидзе, там и осталась. Ранение в ногу в самом конце войны. Госпиталь. Ногу спас хирург – Аслан. Хотели ампутировать, а он не дал. Другим резал – тогда проще было отрезать. А на Алушу рука не поднялась. Вылежал, выбинтовал, выходил ногу. Больно нога красивая была.

– Я буду ходить? – спросила Алуша, когда пришла в себя. Она ничего не помнила – ни ранения, ни того, как оказалась в госпитале. Только глаза Аслана помнила – черные, с карей звездочкой вокруг зрачка.

– Обязательно, – пообещал Аслан.

Аслан сдержал обещание. На парад в День Победы Алуша

пошла. Осторожно, потихоньку, но сама. Аслан ее расхаживал. Она наконец его рассмотрела, и все ей в нем понравилось – плечи, руки, особенно руки. Опухшие, в кровяных цыпках, тяжелые, с длинными тонкими пальцами. А пальцы – теплые, от подушечек заряд идет, когда прикасается.

– Что чувствуешь? – спрашивал Аслан, осторожно трогая искалеченную ногу.

– Тебя чувствую, – отвечала Алуша.

– Ты уедешь? – спросил он в тот день, когда она побежала по дорожке перед зданием госпиталя.

– Никуда я от тебя не уеду, – сказала Алуша и засмеялась. Она тяжело дышала, разругалась от бега, весны и счастья.

– У тебя там муж есть.

– Мне никто не нужен. Мне здесь так хорошо!

Во дворе госпиталя зацвела вишня. Алуша отломил веточку и вдохнула запах.

Аслан стал для нее открытием. И все, что он делал, было открытием. Откровением. Однажды он принес в палату тарелку с тутовником.

– Что это? – спросила Алуша.

– Попробуй. – Аслан взял одну ягодку. Положил в рот. Губы стали синими.

Алуша засмеялась. Попробовала. Ничего вкуснее она в жизни не ела.

Аслан все время ей что-то приносил. Абрикосик. Нежный, недозревший, с тонкой кожицей. Или подсолнух. Алла

держала в руках цветов с семечками и хохотала.

– Ты ешь, – говорил Аслан.

– Как я могу есть такую красоту?

Алуша осторожно вынула одну семечку – мягкую-мягкую.

Подержала в руках и вставила назад – в гнездышко.

Ей все было удивительно в этом городе. Тепло, прогревающее внутренности. Теплые ливни. Как вода из крана. Кто-то резко повернул вентиль, и хлынуло. Кто-то повернул еще раз – дождь докапывал крупными тяжелыми каплями. Теплый суп из крапивы, которым невозможно наесться.

Аслан стал ее любимым мужчиной. Самым главным мужчиной в ее жизни. Алуша думала, что он – ее судьба.

Но у Аслана была семья – жена. Беременная. Жениться на Алуше он не мог. Алла Сергеевна все знала, все понимала, но ничего не могла с собой поделаться. Ей действительно было достаточно того, что Аслан просто был рядом.

Рядом – это в соседнем доме.

Алуша устроилась работать машинисткой в местный горком партии. Аслан работал в больнице. После смены приходил к Алуше – в ее комнатку в квартире на три семьи. Выходные проводил дома – с женой и родившейся дочкой Ниночкой.

Так и жили. Все знали, что у Аслана две жены. И законная жена знала. И тоже думала, что судьба у нее такая – мужа делить. Они с Аллой Сергеевной здоровались, если встречались на рынке. Алла Сергеевна передавала для Нины подар-

ки на праздники...

Андрей Андреевич вернулся после войны домой, на Пятницкую. В их с Алушей маленькую квартирку – пустую и мертвую. Соседка передала ему клочок бумаги – Алла Сергеевна считалась без вести пропавшей. Андрей Андреевич бумагу разорвал и начал искать жену. Долго искал. Запросы писал. И нашел. Ответ пришел из Орджоникидзе. В кадрах горкома числится некая Алла Сергеевна. Только непонятно – та или не та?

Он собрал вещмешок и поехал в Орджоникидзе. Андрею Андреевичу и хотелось и не хотелось, чтобы их Алла Сергеевна оказалась его Аллой Сергеевной. Если не она – будет искать дальше, а если она, то почему не вернулась в Москву? И его не разыскала?

Андрей Андреевич с вокзала пошел в горком. Там ему дали адрес. Он нашел улицу, дом, квартиру.

Нажал кнопку звонка. Дверь открыла пожилая женщина. За ее спиной толпились дети.

– Алла Сергеевна здесь живет? – спросил Андрей Андреевич.

Женщина махнула рукой в сторону двери. Ушла, прикрикивая на детей.

Андрей Андреевич постучался и вошел. Алла Сергеевна сидела за пишущей машинкой. На столе горела лампа.

– Алуша?

– Андрюша? Ты как здесь?

Алла Сергеевна встала, Андрей Андреевич сел на стул.

Оба замолчали. Алла Сергеевна стояла, ее муж сидел.

– А ты не изменилась, – сказал Андрей Андреевич.

– Только поседела.

– Я тебя искал. Я не верил, что ты пропала...

– Я в госпитале здесь лежала. Теперь работаю.

– А почему домой не вернулась?

Алла Сергеевна так и не ответила. Пошла на кухню – чайник ставить. Когда вернулась в комнату, за столом сидели уже двое ее мужчин. Аслан зашел после смены.

– Иди, нам поговорить нужно, – сказал Аслан Алле Сергеевне.

Алла вернулась на кухню. Стемнело. Соседка накормила детей. Алла помогла помыть посуду. В комнату зайти не решалась. Наконец на кухню зашел Андрей Андреевич.

– Пойдем, спать пора, – сказал он.

– Ты остаешься? – спросила Алла Сергеевна.

– Да.

– А Аслан?

– Он пошел домой. К семье. К своей семье.

Андрей Андреевич остался в Орджоникидзе. На работу устроился – инженером. Жили как все.

А совсем скоро Алла Сергеевна дочку родила. Катю. Черненькую, смугленькую, крепенькую. Алуша на дочку все рассмотреть не могла. Кормила и разглядывала. И молоко

текло. Алуша и Катю кормила, и сына соседки подкармливала. В их доме, в больнице все знали, от кого ребенок. И Аслан знал, что его дочка. И жена Аслана знала. Она приданое детское для Аллы Сергеевны собрала и прислала дочь Нину передать. И Андрей Андреевич знал, что не от него ребенок. Но записал на себя. И свою фамилию дал.

Через четыре года у Кати брат появился – Коля. Беленький, голубоглазый. И опять все знали, от кого – от Андрея Андреевича. Только мальчик слабенький родился. Недоношенный. И молока у Аллы Сергеевны почти не было. Коленька болел все время. А Катя ходила, румянцем под смуглыми щечками светилась. И матери помогала, и работала наравне со взрослыми, а все равно – хоть бы что. Бегала как заведенная. Никаких хворей, тьфу, тьфу.

Андрей Андреевич приходил с работы, смотрел на плачущего сына и зло на Кате срывал. Мог и подзатыльник отвесить, и ремнем отходить. Алла Сергеевна за дочь заступалась.

– Ну что ты к ней цепляешься? – говорила она мужу, прижимая одной рукой хнычущего Коленьку к груди, другой – Катю к боку.

– А чтобы уважала. Вон как смотрит. Глаза наглые. Не позволю.

– Она сегодня целый день бегала – и за молоком, и за хлебом. Пеленки помогла полоскать. Пожалей ее. Она же маленькая еще.

– Потом лупить поздно будет. А что бегают, правильно. Должна помогать.

Коленька тяжело заболел, когда ему исполнилось два года. Кате шел седьмой.

Был поздний вечер. Южный. Теплый. Ранний. Внезапный. Алла Сергеевна прикорнула. На чуть-чуть. Всего на полминутки. Андрей Андреевич в ночную смену дежурил. Катя качала люльку с Коленькой и тоже задремала. Вдруг очнулась, посмотрела на брата, а тот лежал тихо-тихо и как будто не дышал. Катя кинулась к матери:

– Мама, Коленька не дышит.

Алла Сергеевна подбежала к кроватке, схватила на руки Коленьку и побежала на улицу. Катя бросилась следом. Она не знала, куда они бежали. Только боялась от матери отстать. Они прибежали в какой-то двор.

– Звони, стучи, скорее! – крикнула Алла Сергеевна дочери. Они стояли перед чужой дверью.

Катя звонила, стучала.

Дверь открыла женщина. Алла Сергеевна зашла в коридор и протянула женщине Коленьку.

– Вот, не дышит. Разбуди его, – сказала она женщине.

Женщина позвала – «Нина!» Вышла девочка. Взяла Катю за руку и увела на кухню. Поставила чашку на стол, варенье, хлеб нарезала.

– Тебя как зовут? – спросила девочка.

– Катя.

– А меня Нина. Ешь. – Нина намазала на хлеб варенье и дала Кате.

Катя сидела, пила чай, ела хлеб. Нина сидела напротив и смотрела, как Катя ест. В другой комнате бегали, сустились, разговаривали люди.

– А что с Коленькой? – спросила Катя Нину.

– В больницу его отвезут. У меня отец в больнице работает. Он хирург. Очень хороший врач. Его все в городе знают. Он в войну много людей спас.

На кухню зашла та женщина, которая дверь открыла. Что-то сказала дочери по-осетински.

– Пошли спать, мама велела, – сказала Нина.

Катя легла на диван с Ниной. Валетом. Сунула холодные ноги под бок Нине и заснула. Успела подумать, как хорошо было бы, если бы у нее была старшая сестра, как Нина.

Алла Сергеевна прибежала с сыном к Аслану. Больше не знала, к кому кинуться. Он спас ее, спасет и ее сына. Аслан на руках донес ребенка до больницы. Алла Сергеевна и жена Аслана бежали следом. Неделю Алла Сергеевна жила в больнице. У Коленьки – пневмония, и врачи не могли сказать, выживет или нет. Антибиотиков не было. Аслан после своих операций приходил к ней. Сидел, курил, молчал. Каждый день приходила жена Аслана – приносила Алле Сергеевне две кастрюльки. В одной еда, в другой – травяные отвары. Сидела рядом и говорила: «Ешь», «Пей». Катя жила в

семье Аслана. Помогала Нине по хозяйству, спала с ней в валежке. Домой не хотела. Когда возвращалась женщина, Катя спрашивала:

– Как мама и Коленька?

Спрашивала, надеясь, что мама еще побудет в больнице, а она еще поживет здесь – у дяди Аслана.

Но через неделю за ней пришла мама. Серая, согнувшаяся, с обкусанными в кровь губами.

– Пойдем домой, доченька, – сказала Алла Сергеевна и заплакала.

Жена дяди Аслана – Катя так и не знала, как зовут эту строгую женщину, – принесла чашку с травами.

Алла Сергеевна сказала:

– Спасибо тебе за Катю.

Катя еще удивилась: при чем тут она? Нужно было сказать: «Спасибо за чай».

Они пошли домой той же дорогой, по которой бежали неделю назад. Только шли медленно. Катя все время обгоняла мать, останавливалась и ждала. Алла Сергеевна шла медленно – нога ныла.

Дома на кровати лежал пьяный Андрей Андреевич. Кровать Коленьки была пуста. Даже одеяло и матрас пропали. Только на буфете появилась фотография – *единственная Коленькина фотография. Сделали в фотоателье*, когда ему годик исполнился. Катя тогда еще смеялась – на девочку похож – в нарядном чепчике и распашонке.

– А где Коленка? – спросила Катя.

– Нет больше Коленьки, – сказала Алла Сергеевна.

Проснулся отец, стянул ремень, зажал Катю между коленок, задрал платье и начал хлестать ремнем.

Для Кати все слилось в одном крике – материнском и отцовском. Мама кричала:

– Оставь ее, отпусти.

Отец:

– Ты виновата. Заснула. Недоглядела. Он больной, а ты здоровая. Плохо за ним смотрела.

Катя плакала, ерзала между отцовскими коленками и кричала:

– Я не виновата. Мама, скажи ему. Я смотрела. Только один раз заснула. Мамочка, я за ним смотрела. Я не виновата.

Алла Сергеевна схватила наконец Катю и выволокла ее на улицу. Опять они бежали по той же дороге. К дому дяди Аслана.

Алла Сергеевна позвонила в дверь. Открыла жена дяди Аслана.

– Пусть у вас побудет, – попросила Алла Сергеевна, подтолкнула Катю в проход и побежала назад.

Женщина привела Катю на кухню. Дала чашку с чаем и кусок хлеба. Сказала: «Ешь, пей». Когда Катю положили на диван с Ниной – валетом, – она даже не поверила своему счастью. Подоткнула ноги под бок Нины, та поворчала. Катя

заснула счастливым детским сном.

Через три дня за ней пришла мама.

– Пойдем домой, доченька.

– А папа?

– Не бойся, он больше не будет тебя бить.

– Обещаешь?

– Обещаю.

Катя зашла в комнату – попрощаться с Ниной.

– Не бойся, к нему мой отец ходил. Поговорить. Если что, ты моему папе скажи. Его все слушаются, – сказала Нина.

– Хорошо.

Но отца дома не было – ушел на смену.

А на следующий день Катя с мамой стояли на вокзале. Ехали в Москву. Домой. Так Кате мама сказала: «Домой едем». На вокзале их провожали дядя Аслан, его жена и Нина. Катя плакала. Жена дяди Аслана дала ей газетные кульки с травками – сушеной липой, ромашкой, чабрецом. Нина подарила свою тряпичную куклу. Дядя Аслан погладил по голове.

Они сели в поезд. Катя прижималась лицом к грязному стеклу и махала рукой.

– Катя, запомни дядю Аслана. Хорошо? – сказала Алла Сергеевна.

– Зачем?

– Это твой отец. Твой настоящий отец.

– А Нина – моя старшая сестра?

- Получается, что так.
- А жена дяди Аслана – тетя?
- Тетя.
- А почему мы не можем жить с ними?
- Потому что так нельзя.
- Почему нельзя?
- Потому что нельзя. Вырастешь – поймешь.
- А мы к ним приедем?
- Не знаю.
- Мы навсегда уезжаем?
- Может быть, и навсегда.
- Я не хочу.
- Так надо. У нас своя жизнь.
- А папа? Мой другой папа? Он с нами будет жить?
- Нет, не будет. Он в другой город уедет.
- В какой?
- В другой.
- А ты от меня не уедешь?
- Я не уеду. Никогда.

Они вернулись в Москву. В квартирку на Пятницкой. Алла Сергеевна поставила на стол свою пишущую машинку и устроилась на работу – в машбюро. Катя училась. Когда подросла, стала помогать матери печатать.

– Учись, тренируй память, без куска хлеба никогда не останешься, – говорила Алла Сергеевна. У нее все чаще бо-

лели кисти рук, набухали вены – профессиональная болезнь. Нога ныла.

После школы Катя пошла на курсы стенографисток-машинисток. Решила два года отработать, а потом в институт поступать. Зарабатывать нужно было.

На курсах вместе с Катей училась девушка Регина. Из Орджоникидзе.

Катя, когда узнала, обрадовалась. Хотя мало что помнила про Орджоникидзе. Она Регине сказала: «Я родилась в Орджоникидзе». Та накинулась на Катю и стала душить ее в объятиях.

Регина окончила школу с красным дипломом и была то ли ударником, то ли передовиком производства. Плюс комсомолка. Ее специально в Москву делегировали – учиться. У Регины, правда, папа был в должности. Не то чтобы в большой, но все же. Помог с учебой в Москве – по национальной квоте.

Регина числилась в общежитии, а жила у Кати и Аллы Сергеевны. Она была веселая, шептунья. Маленькая, кругленькая, на толстых ножках. Страшненькая, но обаятельная. Алле Сергеевне она не нравилась, но Кате с Региной было весело. Хотя главную причину дружбы Катя никому не говорила и самой себе не признавалась. Регина была ниточкой, которая связывала ее с прошлым. С детскими годами. С отцом. Настоящим и тем, который по документам. С той жиз-

нюю, о которой они с матерью не вспоминали. Регина была для Кати как дальняя родственница, пропавшая на много лет и вдруг появившаяся.

Хотя связь с Орджоникидзе все-таки была. Их телефон иногда звонил – короткими настырными гудками. Межгород. Алла Сергеевна тянула шнур в комнату, закрывала дверь поплотнее, чтобы Катя не слышала. Но Катя слышала, что мать рассказывала про нее. Как учится, как выглядит. Иногда Катя обнаруживала пропажу фотографий. Она догадывалась, что мать отправляет ее фото в Орджоникидзе. Дяде Аслану.

Катя заканчивала учебу на курсах, когда дядя Аслан умер. Телефон зазвонил ночью. Ночные звонки всегда к несчастью. Алла Сергеевна потащила шнур в комнату. Но вышла очень быстро.

– Аслан умер, – сказала она Кате. – Твой отец. Нина звонила.

– Мы поедем туда?

– Поедем.

– А где мы там жить будем?

– Не знаю. Пошли спать. Надо выспаться. Утро вечера мудренее.

Утром Катя встала, зашла на кухню поставить варить кофе. На столе горел ночник. Видимо, Алла Сергеевна не ложилась. Из ванной выскочила Регина. Радостная. Шебутная.

– Ночью кто-то звонил или мне приснилось? Ты чего та-

кая мрачная? – затараторила она.

– Отец умер, – сказала Катя.

– Какой отец? – опешила Регина.

– Мой отец. Который в Орджоникидзе живет. Точнее, жил.

– У тебя отец в Орджоникидзе? И ты молчала?

– Да. Он – осетин. Но у него там другая семья.

– Понятно. Поедете?

– Надо. Только там жить негде.

– Тоже мне проблема. У меня остановитесь. Да я с вами и поеду. Аллу Сергеевну надо поддержать.

Регина тут же развила бурную деятельность. Собирала вещи. Звонила в справочную – узнавала расписание поездов.

Она действительно все организовала – отпросила себя и Катю с курсов, билеты вырвала, чемоданы бечевкой перевязала, чтобы не развалились в дороге.

В Орджоникидзе приехали утром. На вокзале их встречала толпа. Съехались чуть ли не все родственники Регины. Катю и Аллу Сергеевну Регина знакомила с двоюродными братьями, сестрами, племянниками. Они стояли потерянные в этом круговороте незнакомых лиц. Их привезли в дом, где в двух комнатах были накрыты столы, как на ужин. Хотя на часах было только одиннадцать.

– Катя, пойдем погуляем, – тихо сказала Алла Сергеевна.

– Неудобно как-то.

– Скажи Регине, что нам нужно выйти.

Катя подошла к Регине и прошептала просьбу. Регина немедленно подняла Аллу Сергеевну и увела. Отдохнуть якобы.

– Вот наш адрес и телефон. На всякий случай. Или позвони из автомата, если заблудитесь, я вас встречу.

Они вышли, дошли до автобусной остановки, сели и поехали. Катя смотрела в окно и ничего не узнавала. Ни улиц, ни домов. Чужой город. А вот Алла Сергеевна, кажется, все помнила.

– Нам выходить на следующей, – сказала она Кате.

Катя вышла вслед за матерью. Алла Сергеевна шла по дорожке уверенным шагом. Катя семенила следом.

Они дошли до какого-то дома, поднялись на третий этаж. Алла Сергеевна позвонила в дверь. Дверь открыла молодая женщина с ребенком на руках.

– Здравствуйте, – сказала Алла Сергеевна, – а Андрей Андреевич здесь живет?

– Нет таких, – удивилась женщина и затрясла, укачивая, ребенка. – Никогда не было.

– А вы давно здесь живете?

– Давно. А вам что надо?

– Ничего. Спасибо. До свидания.

Они спустились во двор. Алла Сергеевна повернула направо и пошла по дороге. Катя плелась следом. Она устала. Куда они идут? Можно было отложить все до завтра. А се-

годня отдохнуть. И вдруг она узнала эту дорогу. Справа палисадник, здесь – остановка. По этой дороге они бежали с мамой. Ночью. К дяде Аслану.

Дошли до дома. Алла Сергеевна постучала в дверь. Открыла молодая женщина, ненамного старше Кати, с черной повязкой на голове.

– Ниночка? – спросила Алла Сергеевна. Молодая женщина кивнула и повела их в комнату.

Катя вспомнила – Нина. Так звали дочь дяди Аслана.

В квартире черными полотнищами были завешаны все зеркала. В комнате со свежевывмытыми полами сидела на стуле пожилая женщина во всем черном. Рядом с ней стоял еще один стул. Круглая спинка, потресканное деревянное сиденье. Около стены – высокая железная кровать. Покрывало без единой морщинки, две подушки, сложенные одна на другую – высокой горкой. Верхняя подушка закрыта связанной крючком салфеткой. На буфете – фотография мужчины. Перед фотографией – стакан водки и кусочек черного хлеба сверху.

Алла Сергеевна молча прошла и села на свободный стул. Катя так и осталась стоять на пороге. Подошла Нина и сделала знак Кате – «пойдем».

Они вышли, а две женщины – две жены одного мужа – так и сидели рядом, одинаковым жестом сложив руки на коленях. Сидели и молчали.

– А ты Катя? – спросила молодая женщина.

– Да, – ответила Катя.

– А меня ты помнишь? Ты у нас жила.

– Помню.

– Я не хотела, чтобы ты уезжала. Ты смешная была маленькая.

– А я хотела, чтобы ты была моей старшей сестрой.

– Вы где живете?

– У моей подруги. Она отсюда, из Орджоникидзе. Мы в Москве вместе учимся.

– Хорошо. Надолго приехали?

– Не знаю.

– У мамы ноги болят. Раньше еще ничего было. А три дня назад – после похорон – почти совсем отнялись. Еле-еле ходит. Не знаю, что делать, – пожаловалась Нина.

– Может, пройдет? А у моей мамы руки болят. Артрит. И нога. Во время войны ее ранило.

– Да, я знаю, а мой отец ей ногу спас. Никто не верил, что она ходить будет, а он – верил.

– А я ничего про это не знала.

– А ты работаешь или учишься?

– Курсы машинисток-стенографисток заканчиваю. Работаю. Дома печатаю. А ты?

– А я медсестрой работаю. В нашей больнице. Где отец работал.

– Мы опоздали на похороны...

– Ничего. Главное, что приехали. А похороны хорошо

устроили. Людей много было. Из других городов приехали. Памятник обещали поставить. Нам деньгами помогли. Папины друзья и пациенты. А жених у тебя есть?

– Нет. Что ты! А у тебя?

– Есть. Посватался, когда еще отец жив был. Успел. Собирались свадьбу играть. А сейчас нельзя. Ну ничего, подождем.

Из комнаты вышла Алла Сергеевна:

– Ниночка, спасибо, что позвонила. Пусть Катя с тобой побудет, а я на кладбище съезжу, ладно?

– Мам, давай я с тобой? – попросилась Катя.

– Не надо. Я одна хочу. Я вернусь за тобой.

Алла Сергеевна ушла, а Катя, как в детстве, осталась с Ниной. Помогла ей приготовить, посуду помыла.

– Мамочка, пойдем обедать. Давай потихоньку. У нас Катя, дочь Аллы Сергеевны. Помнишь Катю? – Нина осторожно вела мать по коридору на кухню.

Катя встала, когда на кухню, тяжело ступая, вошла пожилая женщина. Она села на стул. Нина налила в тарелку суп и поставила перед матерью:

– Мамочка, давай поешь.

Женщина взяла кусок хлеба и накрошила в суп кусочками. Ложкой подцепила размокший мякиш и с усилием поднесла ложку ко рту.

– Мама, еще ложечку, – уговаривала мать Нина. – Ты тоже ешь, – сказала Нина Кате.

Сама Нина встала и поставила на плиту большую турку. Насыпала кофе, налила воды. Стояла и смотрела, как поднимается пенка. Поставила на стол три чашечки. Разлила кофе. Катя отхлебнула. Кофе был крепкий, горький и горячий. Катя обожгла язык и поморщилась. Вдруг женщина кивнула головой в сторону Кати.

– Что, мамочка? – подскочила Нина.

Женщина указательным пальцем показала на Катину чашку.

– Допьешь, переверни чашку на блюдце. От себя, – сказала Нина Кате.

– Зачем?

– Мама тебе что-то сказать хочет.

Катя в один глоток допила кофе и перевернула чашку на блюдце. Нина взяла у нее чашку и передала матери.

Она посмотрела в чашку и отставила ее со стуком. Стала тяжело отодвигаться от стола. Нина подскочила, подхватила мать.

– Что, что там? – испугалась Катя.

Женщина что-то тихо сказала по-осетински. Нина повела ее назад в комнату. Уложила на кровать, вернулась к Кате.

– Что твоя мама сказала? – спросила Катя Нину.

– Сказала, что дочь ты потеряешь...

– А что это значит?

– Не знаю.

Алла Сергеевна все не возвращалась. Катя уже начала

волноваться.

– Нина, может, за ней поехать?

– Не надо. Приедет. Не волнуйся. Алла Сергеевна город знает.

Уже начало темнеть, когда в дверь постучали. Нина открыла. Алла Сергеевна вошла, опустилась на стул. Нина налила ей чай.

– Мама, ты как? – спросила Катя. Алла Сергеевна как будто не слышала. Достала из сумочки пакетик и положила на стол.

– Нина, отдай это матери.

Нина развернула пакетик – золотая цепочка. Толстая, с крупными звеньями.

– Мне ее Аслан подарил, – сказала Алла Сергеевна. – Пойдем, Катя, уже поздно.

Нина проводила их до остановки. Помахала рукой.

– Мама, а сколько мы еще здесь пробудем? – спросила Катя.

– Мне тут больше делать нечего.

Они вернулись в дом Регины. Там продолжалось застолье. Их ухода, казалось, никто и не заметил. Алла Сергеевна ушла в комнату – отдохнуть. Регина бегала с тарелками. Катя поймала ее на ходу.

– Регина, мама уехать хочет, – сказала Катя подруге.

– Как, уже? Мы же только приехали. – Регина чуть тарелки не уронила.

– Регина, пожалуйста, давай, мы уедем, а ты оставайся. Только билеты надо взять.

– Ладно. Я отца попрошу. Он поможет. А может, хоть на пару дней останемся?

– Нет, мама хочет уехать.

Регина опять развила бурную деятельность, и вечером следующего дня они стояли на вокзале. Регина тоже решила вернуться. Их провожала толпа народу – Регинины родственники. Женщины плакали. Мужчины затаскивали в вагон плетеные корзины.

– Регинка, что это? – спросила Катя. Корзины заняли весь проход между полками.

– Банки, – бросила Регина, запихивая корзину под столик.

– Какие банки?

– Компот, варенье, огурцы, помидоры.

– А как же мы их в Москве дотащим?

– На такси придется ехать.

Через год раздался междугородный звонок. Трубку взяла Катя.

– Катя, это Нина. Из Орджоникидзе. Я замуж выхожу.

– Поздравляю.

– Приезжайте.

– Спасибо. Вряд ли получится – мама болеет.

– Ладно, счастливо. Алле Сергеевне скажи, что я звонила.

– Хорошо, скажу. Еще раз поздравляю.

За этот год Алла Сергеевна совсем сдала. Лежала, читала книги. Работать не могла.

Катя так и не поступила в институт – нужно было работать, деньги зарабатывать. Правда, работа была хорошая – машинисткой в издательстве. Катю ценили. У нее не было такой феноменальной памяти, как у Аллы Сергеевны, зато она умела разбирать любой почерк. И печатать под диктовку, на ходу редактируя фразы.

От Регины остались только большие плетеные корзины, в которых теперь хранились картошка, лук... Регина после окончания курсов вернулась в Орджоникидзе – поступила в институт на юрфак. Писала письма.

Катю в издательстве прикрепил к писателю – Владлену Сеницыну. Катя приходила к нему на дом. Тот надиктовывал очередной кусок из своего романа.

Действие романа под рабочим названием «Доярка и шофер» развивалось в колхозе. Главная героиня – доярка, боролась за увеличение надоев молока. Доярку обхаживал Председатель колхоза, который боролся за звание передового колхоза. Доярка же, поглаживая коровье вымя, мечтала о Шофере, который грузил бидоны и ни за что не боролся. В конце романа Председатель должен был оказаться вредителем

советского хозяйства, Шофер стать председателем, получить звание передового колхоза и Доярку в придачу.

Владлен был относительно молод – чуть за тридцать. У него была жена – поэтесса Риммочка. Поэтесса периодически жила на даче, где ей лучше творилось. Но в Москве были рестораны, гости, общение, без чего она не могла обойтись. Риммочка разрывалась и страдала от необходимости разрываться. Катя иногда сталкивалась с Риммочкой – та скользила по Кате мутным взглядом, не фокусируя, и порывистым движением поправляла на голове шелковый платок, замотанный на манер тюрбана. Риммочка не расставалась с зеленой солдатской фляжкой. Во фляжке был спирт. Она признавала только чистый медицинский.

Владлен жаловался Кате, что они с Риммочкой друг друга не понимают – вращаются на разных орбитах. В творчестве, говорил он, всегда так. Два таланта не могут сосуществовать рядом. Таланту нужна прислуга. Чтобы приходила по звонку колокольчика, делала черную работу и уходила. Катя и была такой прислугой. Приходила по звонку телефона, печатала и уходила.

На середине романа, как раз на том эпизоде, когда Шофер, загружая очередной бидон, признавался Доярке в любви, Владлен бросил рукопись на стол, сел и зарыдал натуральными слезами. Катя решила, что автор неравнодушен к судьбе персонажа. Она перестала печатать и тактично молчала.

– Катя, Катюша, поговори со мной, – попросил Владлен.

– Хорошо, – сказала Катя и вытащила лист из машинки. Поговорить с Владленом означало посидеть и послушать. Владлену и в творчестве не удавались диалоги, зато в монологах ему не было равных.

– Риммочке плохо, – сказал Владлен. – Она слишком много работала. Не щадила себя.

– Что с ней? – спросила Катя, потому что Владлен любил наводящие вопросы. Как будто он не хотел рассказывать, а его упрашивали рассказать.

– Галлюцинации. Слуховые. Врач рекомендовал покой, перерыв в работе, свежий воздух. Но она не может без работы, не может не творить.

– А что она слышит? Голоса?

– Нет, звуки. Шорохи.

– А вы что-нибудь слышите?

– Нет. Ты же знаешь, я работаю по ночам. Сплю в кабинете. А шорохи раздаются только в Риммочкиной спальне.

На самом деле Владлен с Риммочкой давно исключили из своей жизни понятие супружеского долга. Они не только спали в разных комнатах, но даже ели отдельно. Владлен – у себя в кабинете, Риммочка – в своей спальне.

– А вы не пробовали зайти в спальню, послушать?

– Заходил. Слушал. Ничего. Правда, иногда мне кажется, что я что-то слышу, но ведь я мог поддаться под Риммочкино влияние. Я же очень впечатлителен, как все творческие

натуры. Катя, это так тяжело. Не могу смотреть, как она мучается. И взгляд у нее такой стал... Странный, настороженный. Как будто сквозь меня смотрит.

Катя подумала, что у Риммочки всегда был такой взгляд – от спирта, но промолчала.

– Может, ей действительно лучше на даче пожить?

– Я ей говорил. Но теперь она не хочет ехать.

– Почему?

– Она думает, что шорохи – это какой-то знак. Понимаешь, она слышит эти звуки в какие-то особые для нее даты. В день ее рождения всю ночь не спала – шорохи усилились. Она думает, что это к беде.

– А вы что думаете?

– Я – реалист. Я не могу позволить себе верить в потусторонние силы. И мой долг – избавить жену от этих идей. Она ведь про эти шорохи всем знакомым рассказывает. Начала новый цикл стихотворений под названием «Шорохи». Представляешь, что будет с моей репутацией?

– Может, все уладится?

– Не знаю, не знаю...

Катя приходила на диктовку к Владлену два раза в неделю. В очередной ее приход дверь открыла Риммочка – еще более порывистая и мутная. Схватила Катю за руку и потащила к себе в спальню.

– Слушай, – приказала она и уставилась на Катю. – Слышишь? Ты мне веришь?

Катя не знала, что ответить, чтобы не обидеть больную. С больными же нельзя спорить. Нужно во всем соглашаться.

– Слышу, – сказала Катя.

– Вот! – закричала Риммочка и потащила Катю в кабинет. В кабинете за столом сидел Владлен, обхватив руками голову. – Теперь ты не будешь говорить, что я сумасшедшая. Она тоже слышала.

– Катя, Катюша, ну зачем? Зачем ты подтверждаешь ее фантазии? Господи, как я устал.

– Мы работать будем? – спросила Катя.

– Какая тут работа! Ты знаешь, что она сделала? – Владлен вскочил, начал размахивать руками. – Она привела сюда какую-то бабку с иконой. Представляешь? С иконой. Если об этом узнают! Она не понимает, чем это может грозить. Не хочет понимать. Все, Катя, иди, беги из этого сумасшедшего дома.

Катя пришла на следующей неделе. Дверь открыл Владлен. В коридор выскочила Риммочка. Катя ее даже не узнала. В халатике, без платка, черные волосы рассыпаны по плечам. Катя отметила, что нервное истощение Риммочке шло – она побледнела, похудела и похорошела. На осунувшемся лице сверкали безумием глаза.

– Хуже? – шепотом спросила Катя Владлена.

Владлен устало махнул рукой.

Они сели работать, но работа не клеилась. Владлен два раза перечитывал один абзац, забывал, где остановился,

был рассеян. Сюжетная линия Председателя тоже буксовала. Владлен никак не мог решить, как именно Председатель навредил советскому хозяйству.

Вдруг в комнату ворвалась Риммочка.

– Сейчас! Долго! Громко! Быстрее! – Она кричала и тащила Владлена в комнату. Катя побежала следом.

И тут она услышала. Хрысь-хрысь. Владлен тоже услышал и смотрел испуганно на Катю. Наверное, он решил, что тоже сошел с ума. Катя подошла к окну, открыла раму.

– Нет, не надо! – закричала Риммочка и вцепилась в мужа. Владлен попятился.

Катя высунулась в окно – пятый этаж, деревья под окном. Все нормально. И вдруг опять хрысь-хрысь. Риммочка вскрикнула. Катя подняла голову – звук шел сверху. Прямо над ее головой висели санки – большие, деревянные, с железными полозьями. Они раскачивались на ветру и скребли железом по бетону. Санки свешивались на длинной веревке с шестого этажа – видимо, соседи решили их вывесить, чтобы не мешались. Балконов же не было.

После истории с санками Риммочка уехала на дачу – приходить в себя, лечить нервы.

Кате она оставила свой новый поэтический цикл «Шорохи». Катя перепечатывала стихи в трех экземплярах и не могла не согласиться – стихи были хорошими, лучшими из всех, что написала Риммочка.

Роман Владлена тоже подходил к счастливому концу – До-

ярка увеличила надои молока и стала передовиком производства. В конце пятилетки, которую сдавали за четыре года, она должна была выйти замуж за Шофера.

Катя осталась на ночь у Владлена в тот день, когда Шофер женился на Доярке. Сельскую свадьбу играли шумно, Катя засиделась допоздна – у Владлена был приступ вдохновения. Все случилось на рабочем диванчике в кабинете. Владлен Сеницын был ее первым мужчиной.

Утром она сразу поехала на работу. Писатель после трудовых и постельных подвигов спал. Она не стала его будить.

Еще неделю Катя ждала, что ее пошлют по знакомому адресу. Но на нее навалили другие заказы. Катя не знала, что думать, – Владлен заболел, переживает творческий кризис, что-то с Риммочкой... Хотя она была не настолько наивной, чтобы не понимать – дело в той ночи, а не в кризисе жанра. Догадка подтвердилась, когда Катя расписывалась в ведомости, получая зарплату. На бланке стояли фамилии машинисток, перечень выполненной работы с указанием имени автора и его адреса. Катя увидела на верхней строчке над своей фамилией адрес писателя. Работу выполнила ее коллега – грудастая хохотушка Лиля.

Катя получила деньги, достала из ящика шоколадку, которую принес кто-то из авторов, и подошла к Лиле.

– Лиль, как там Владлен Сеницын? – спросила Катя и положила на стол шоколадку.

Лиля была болтлива.

– Нормально. Я корректорскую правку в его Доярку вносила. А что?

– Я этот роман набирала.

– Да, я знаю. Я бы тебя и по работе узнала. Просто он позвонил и попросил прислать другую машинистку. Я еще удивилась. От тебя еще никто не отказывался. У вас что-то случилось?

– Да нет, ничего.

– Ой, да не бери в голову. Ты же знаешь, их, писателей, не поймешь. Как дети, ей-богу. Хочу эту машинистку, нет, дайте другую...

– Да, ты права.

Катя вернулась с работы.

– Мамочка, я дома. Сейчас ужин приготовлю! – крикнула она из прихожей.

– Катя, иди сюда, – откликнулась Алла Сергеевна.

– Что, тебе плохо? – Катя вмиг забыла про писателя. Мать лежала на кровати. – Мама, сейчас «Скорую» вызовем. Почему ты мне не позвонила? Я бы с работы отпросилась.

– Катя, послушай меня. Похорони меня в Орджоникидзе. Рядом с Асланом. Пообещай мне. Я знаю, это сложно, но пусть Регина тебе поможет.

– Мама, ну что ты такое говоришь? Перестань. Сейчас врача вызову, он тебе укол сделает, сразу легче станет.

– Нет, Катенька, не станет. Уже не станет.

Алла Сергеевна умерла рано утром. Катя всю ночь просидела у ее постели, а часа в четыре утра задремала. Очнулась как от толчка. Мать не дышала. А Катя вдруг вспомнила. Как она сидела вот так же ночью и качала Коленьку. Задремала буквально на секунду, а Коленька дышать перестал. Детский кошмар повторился.

Потом все было как во сне. Катя звонила Регине, плакала, передавала просьбу Аллы Сергеевны. Регина тоже плакала, обещала все устроить.

Так Катя опять оказалась в Орджоникидзе. Опять была толпа из незнакомых лиц – Регининых родственников. Катя выхватила только одно – Регинино. Она действительно все устроила. Все на себя взяла – и поминки, и похороны.

Катя шла, куда вели, сидела там, куда сажали. У нее с собой даже платья черного не было. Регина дала ей свою юбку, шаль черную, повязку на голову по осетинской традиции повязала.

Людей было не много. Да и тех, кто был, Катя не знала. Слова говорили по-осетински, Катя не понимала. Она стояла и смотрела не на свежий холмик, заваленный цветами, а на могилу рядом – с общей мраморной плитой. Два портрета, фамилия и имена – Аслан и Лиана.

Лиана? Кто такая Лиана? Катя вглядывалась в лицо женщины, высеченное в камне. Не узнавала – молодая осетинка. Была смутная догадка, которую Катя отогнала, – жена дяди

Аслана, мать Нины. Та женщина из ее детства, которая травки заваривала и напугала ее гаданием на кофейной гуще. Но совсем не похожа.

Вечером были столы, люди. Регина бегала с тарелками.

– Я пойду пройду, – сказала Катя подруге.

– Куда ты? Заблудишься. Давай я с тобой?

– Нет, я одна хочу. Я помню.

Катя, когда собирала документы Аллы Сергеевны, нашла в бумагах матери смятую бумажку с адресом. На бумажке было написано – Аслан.

Катя вышла на улицу. Дошла до автобусной остановки. Села. Ехала, вглядываясь в дома, дворы, улицы, пытаюсь узнать. Ничего знакомого. Спросила у водителя, где выходить. Тот резко затормозил и открыл переднюю дверь: «Сейчас». Остановку проехали. «Иди прямо, вон туда», – сказал водитель.

Катя пошла. Дом она узнала сразу. Поднялась на этаж, постучала в знакомую дверь. Дверь открыла маленькая девочка.

– Здравствуй, а Нина здесь живет? – спросила Катя девочку.

Малышка улыбалась и молчала.

В коридор вышла женщина. Нина.

– Нина, здравствуй, ты меня помнишь? Я – Катя, дочь Аллы Сергеевны.

– Узнала, узнала, проходи.

Катя вошла. Нина стояла и рассматривала Катю. Сказала что-то дочке по-осетински. Девочка убежала в комнату.

Они сидели на кухне. Нина варила кофе. Катя не знала, с чего начать разговор.

– Это твоя дочка? – спросила она.

– Да.

– А как зовут?

– Лиана, в честь мамы.

– Красивая девочка. И имя красивое. Я ведь даже не знала, как твою маму зовут.

Они опять помолчали.

– Мама умерла. Я приехала сюда – похоронить. Она так хотела. Чтобы быть рядом с дядей Асланом, – сказала наконец Катя.

– Я знаю. Мне сказали.

– А твоя мама давно умерла?

– Через два месяца после отца. Не смогла она без него. Все повторяла – побыстрее бы отмучиться...

– А ты как?

– Нормально.

– А муж где?

– На работе. У него дежурство сегодня. Он хирург. Как отец.

– Нина, скажи, ты не против? Ну, что Алла Сергеевна там, рядом... Что могилы их рядом? – Катя разглядывала цветок на клеенчатой скатерти. Боялась посмотреть на Нину.

– Судьба такая. Не чужие ведь.

– А ты знала? Что я дочь дяди Аслана?

– Всегда знала. Мне мама сказала. Да все знали.

– Мне мама тоже сказала. Но я маленькая была. Не поняла ничего.

– Алла Сергеевна хорошая женщина была.

– И твоя мама Лиана тоже. Я помню ее травки. Только предсказание не помню. Помню, что плохое. А ты не помнишь, что она мне тогда сказала?

– Не помню, – ответила Нина. Но Катя почувствовала, что Нина помнит, только говорить не хочет.

– Ты когда назад? – спросила Нина.

– Завтра.

– Хорошо.

– Ты звони. Приезжай к нам, ко мне, в Москву.

– Хорошо. Спасибо.

Катя знала, что Нина не позвонит и не приедет.

– Ладно, я пойду.

Из комнаты выбежала девочка – проводить гостью. Катя погладила ее по голове.

– До свидания, Нина. До свидания, Лиана.

– До свидания.

Катя долго стояла на автобусной остановке. Теперь она осталась одна. Совсем одна. Нина, конечно, родственница. Но у нее своя жизнь, и Катя ей не нужна. Подошел автобус. Катя была единственным пассажиром. Водитель спро-

сил: «Куда?» – она показала бумажку с адресом. Водитель кивнул и домчал ее до нужной остановки, не останавливаясь по дороге.

Регина ее ждала на улице, ходила вокруг остановки и смотрела на дорогу.

– Я уже не знала, где тебя искать. – Регина сердилась.

– Автобус ждала.

– Ты куда ездила?

– К Нине, дочери дяди Аслана. Она моя сводная сестра.

– Да знаю я.

– Откуда?

– У нее муж – врач. Хирург. Руки – золотые. К нему со всей республики приезжают. Ладно, пошли в дом. Уже все ушли.

Регина взяла подругу под руку и повела в дом. Катя подумала, что слишком долго не видела Регину. Знала, что подруга вышла замуж – за Володю, русского парня, что Регина особо подчеркивала, сына родила – Сашу. Регина сообщала новости срочными телеграммами. На свадьбу звала, на крестины. Но Катя так и не выбралась – маму не могла оставить.

– Кстати, а где Володя и Саша?

– Дома, тебя ждут. Сашка спит уже, наверное.

Катя видела Володю на вокзале. Высокий, худющий парень. Они с Региной очень смешно смотрелись рядом – она, маленькая, кругленькая, доставала ему до подмышки. Сашка родился длинный, в отца. Регина считала его самым кра-

сивым младенцем на свете.

Катя сидела, пила чай, Регина с Володей переругивались из-за того, кто завтра поведет Сашку в садик.

Катя вдруг зажала рукой рот и побежала в ванную – ее вырвало. Она умылась. Посмотрела в зеркало. Ее целый день тошнило. И вчера, и позавчера. Катя думала, что на нервной почве и от усталости.

Она вышла из ванной. Володя ушел спать. Регина домывала посуду.

– Ты чего? – спросила Регина.

– Не знаю. Перенервничала, наверное. Устала.

– Ну-ну. А грудь появилась тоже от усталости?

– Что ты имеешь в виду?

– А то и имею. – Регина встряхнула мокрой рукой и поправила лифчик.

– Брось ты. Грудь как грудь.

– А ты посчитай, посчитай.

– Регина, тебе бы в милиции работать.

– А я и работаю. В детской комнате. Представляешь? Я тебе разве не говорила? На пенсию майором выйду. Да и с детьми я общаться умею. Они у меня шелковые ходят.

– Молодец.

– А ты все стучишь?

– Стучу.

– Может, и ребеночка успела настучать?

– Регина, не говори ерунды.

– Ну, не хочешь рассказывать, не надо.

Утром Катя стояла на вокзале. Рыдающего Сашку Володя отвел в садик и вернулся помочь с вещами. Регина собрала Кате здоровенную плетеную корзину – персики, груши, банки.

– Регина, у нас до сих пор те корзины стоят, а ты мне еще одну впихиваешь. Как я ее дотащу? И кто это все есть будет?

– Бери-бери, на такси доедешь. Еще меня вспоминать будешь, – ворчала Регина. – Я тебе там банку с огурчиками малосольными положила, на всякий случай.

– Регина, ты опять за свое? Спасибо. Приезжайте.

Катя стояла в вагоне и махала рукой. Регина на своих коротеньких ножках семенила за вагоном. Володя шагал рядом.

Катя вошла в их с мамой квартиру на Пятницкой. Села на мамину кровать. На столике еще стояли пузырьки с лекарствами, лежали очки. Катя так и не смогла все это убрать. Потом.

Катя ходила на работу. Она уже не сомневалась – беременная. Пока было не видно. Отправила Регине телеграмму – «Огурцы пригодились». Регина позвонила и долго кричала в трубку:

– Кто отец? Он что, женат? Он знает?

– Женат, не знает, – устало отвечала Катя.

– Подай в суд, пусть алименты платит.

– Не буду.

– Дура ты. Ой, у меня Сашка скандалит, – сказала Регина и бросила трубку.

На работе, конечно, пошли разговоры. Но Катя на них старалась не обращать внимания. Лиля все не понималась:

– А папаша, случайно, не Владлен Сеницын?

– С чего ты взяла?

– Да он про тебя все спрашивал.

– А что спрашивал?

– Да так, как у тебя дела, как ты поживаешь? Привет передавал.

– Ну спасибо. А ты за ним закреплена?

– Да, он новый роман пишет. «Колхозница и рабочий».

– И как?

– Я не вникаю. Печатаю и забываю.

– А как его жена, Риммочка?

– Ты знаешь, говорят, она с ума сошла. Вроде в пансионате. Но на самом деле в больнице. Шизофрения у нее. Или паранойя. Или и то и другое.

– Бедная.

– Пить надо меньше.

– А ты два раза в неделю к нему приезжаешь?

– Да, по вторникам и четвергам.

Начальница вошла в Катину положение и давала ей надомную работу. Катя приезжала, забирала рукописи, печата-

ла дома. Привозила готовое. Времени было предостаточно. Она все-таки решила съездить к Владлену – поставить в известность. Сначала не хотела. А узнав от Лили, что Риммочки нет в Москве, решилась.

Визит наметила на среду, чтобы с Лилей не столкнуться. Катя надела свое самое просторное платье, заехала в издательство, забрала рукописи и поехала к Владлену. Позвонила в дверь. Тишина. Катя еще раз нажала кнопку звонка. Поддержала. Она уже собиралась уходить, когда дверь открылась.

– Ой, Катя, почему ты без предупреждения? – Владлен был растрепан и не одет, как будто только что встал с постели.

– Здравствуйте, можно мне войти? – спросила Катя. Она уже знала, чем закончится разговор.

– Прости, у меня не убрано. – Владлен стоял в проеме двери.

Катя не удержалась и улыбнулась.

– Владик, кто там? – раздался голос из глубины квартиры. Не Риммочкин.

– Машинистка, пришла рукопись забрать! – крикнул Владлен. – Ты ведь за рукописью? Лиля что-то забыла?

Владлен говорил, опустив голову. Смотрел на Катин живот. Не выше.

– Нет, Лиля ничего не забыла. Я пришла сказать, что жду ребенка, – выдавила Катя.

– Что ж, поздравляю. С меня подарок. Ты замечательная машинистка. Между нами, Лиля тебе и в подметки не годится.

– Спасибо.

– Ладно, рад был повидаться.

– Владик, ты скоро? – спросил голос из комнаты.

– Иду! – крикнул Владлен. – Мне пора. Извини. Еще раз поздравляю.

– Спасибо.

Владлен захлопнул дверь.

Катя родила на пороге издательства. Так потом шутили коллеги. Она приехала забирать рукопись, и вдруг начались схватки. Хорошо, что в отделе оказалась Лиля.

– Катя, сиди тихо. Сейчас «скорую» вызову.

– Не надо, еще рано. Восемь месяцев.

Лиля вызвала «скорую», поехала с Катей в роддом. Лиля волновалась больше Кати. Их посадили в коридоре, сказали, что будут оформлять. Лиля подскочила, побежала по коридору, ворвалась в какой-то кабинет, заорала:

– Да она родит сейчас в коридоре! Да вы знаете, где мы работаем? Я вам такое устрою! – кричала она.

Катя стараниями Лили родила через два часа. Экстренные роды. Лиля все это время была в больнице. Катя была рада, что не одна. Одна бы она точно родила в коридоре. Лиля успела сбегать позвонить из автомата на работу. Девоч-

ки-машинистки собрали деньги.

– Кто родился? – Лиля хватала за руку медсестер.

– Девочка. 48 сантиметров, 2500. Недоношенная.

Лиля порылась в Катиной сумке, которую так и держала в руках, достала ключи от ее квартиры и поехала убирать, мыть...

Катю из роддома встречал весь отдел. Даже начальница пришла. Они усадили Катю в издательскую машину – специально выбили ради такого случая – и повезли домой.

Дома у стены стояла новая кровать. На столе были стопочками разложены пеленки, распашонки, чепчики. Все переглаженное. Девочки суетились, издательский водитель Геня открывал шампанское.

– Как назовешь, Катя?

– Аллой, в честь мамы.

Девочки разошлись, а Катя стояла и плакала. Аллочка была маленькой. Очень маленькой.

У Кати от страха опускались руки. К тому же врач в роддоме сказала, что девочку надо выхаживать. В тепле. А на дворе сентябрь. Промозглый московский сентябрь. И грудью кормить. А молока мало.

Катя плакала и спрашивала у мамы, что делать. Но мамы не было, никого не было. Через месяц Катя не выдержала – взяла телефонную трубку и набрала один из номеров, который знала наизусть.

– Регина, что мне делать? – спросила она подругу. Где-то

далеко кричал Сашка, скандалил Володя.

– Приезжай. Бери билет и приезжай. Разберемся, – сказала Регина.

Катя позвонила Лиле:

– Лилечка, помоги. Мне нужен билет до Орджоникидзе. Как можно скорее.

– Ладно, попробую достать. Но не обещаю, – сказала Лиле.

Но Катя успокоилась. Лиля достанет все, что угодно. С ее то природной напористостью и болтливостью.

Катя приехала в Орджоникидзе. Ее встречали Регина с Володей. Регина была мрачная из-за своих дел и в то же время радостная – из-за дел, которые натворила подруга. Володя молчал всю дорогу.

Они ехали в машине. Свернули в другую сторону. Катя, прижимая дочку к груди, спросила:

– Регин, куда мы едем?

– В нашу новую квартиру.

– А что со старой?

– Ой, давай потом поговорим.

Новая квартира оказалась крошечной двушкой. Катя узнала район. Здесь, буквально через два дома, жила Нина.

– А почему вы переехали? – спросила Катя.

– Пришлось. Брат женился.

Катя знала, что у Регины бесчисленное количество братьев – родных, двоюродных, троюродных. Наверное, один из

братьев женился, и им пришлось разменяться.

– Вы разменялись? – спросила Катя.

– Нет, я сама ушла. Не могу жить с ними под одной крышей. Папа нам эту квартиру купил.

– Понятно.

Регинин папа уже перестал быть большим начальником, но сохранил связи и репутацию. Володю – Регининою мужа – он не признавал, и отношения с родственниками у Регины были натянутыми. Володя был инженером, но в душе – художником. Отец Регины хмыкал – не дело, чтобы мужик, хоть и русский, фигней занимался. Володя рисовал и вязал. На работу, конечно, ходил, но инициативы не проявлял. Все попытки тестя продвинуть зятя по службе рушились. Володе это было не нужно. А нужен лист бумаги, карандаш, пряжа и спицы. Володя рисовал женщину – с длинными ногами, широкими плечами. Потом он ее одевал – в струящиеся платья, короткие юбки, блузки-балахоны. Его рисунки валялись везде – на шкафах, на полу... Регина их собирала, комкала и выбрасывала. На их месте появлялись новые. Володя умел делать из ниток все, что угодно. Плел макраме – под цветочные горшки, салфетки крючком вязал, на спицах вывязывал сложные узоры. Володя мог сидеть, смотреть телевизор, а его руки жить отдельной жизнью – перекладывать нить, считать петли...

Катю с маленькой Аллой поселили в одной комнате, Регина с Володей и Сашкой устроились в другой. То, что от Ре-

гины никакого толку и помощи в смысле ребенка не будет, Катя поняла на второй день.

– Я не знаю, как с девочками обращаться. Сашка другой был, – сказала Регина и убежала в свою детскую комнату милиции. С трудными подростками ей было проще, чем с младенцем. А Володя помогал – купал, пеленал, не хуже профессиональной медсестры. Он и с Сашкой возился, разве что грудью не кормил.

Дня через три Катя оставила Аллу на Володю и пошла по знакомой дороге. К Нине. Позвонила в дверь. Дверь открыл мужчина. Катя, как его увидела, сразу подумала, что он очень устал.

– Здравствуйте, – поздоровалась Катя, – а Нина дома?

– Дома, проходите, – сказал мужчина. – Нина, – позвал он.

Нина вышла из комнаты.

– Здравствуй, это опять я, – поздоровалась Катя со сводной сестрой.

Нина провела ее на кухню. Поставила на плиту кофе.

– Ты даже не удивилась, – сказала Катя.

– Я знала, что ты приедешь, – ответила Нина.

– Я дочку родила. Алушу. В честь Аллы Сергеевны.

Она слабенькая. Восьмимесячная. Мужа нет. Ей тепло нужно и молоко. А у меня мало. – Катя неожиданно для себя выложила сразу все. И заплакала.

– Алик, – крикнула Нина, – иди сюда!

Алик зашел на кухню. Из-за его спины выглядывала де-

вочка – уже не ребенок, но еще не подросток.

– А ты Лиана? – обрадовалась Катя.

– Да, – ответила девочка. – А почему вы плачете?

– Алик, это Катя, дочь Аллы Сергеевны. У нее дочка восьмимесячная, слабенькая. Посмотришь?

– Посмотрю. Приходите завтра в больницу, – ответил Алик.

– Лиана так выросла, совсем большая стала, – сказала Катя.

– Дети быстро растут. Особенно чужие. Ты с кем живешь?

– С Региной.

– Вот тебе травы, пусть заварит, или сама завари и пей.

Молоко придет.

– Спасибо.

– И к Алику сходи. Он хороший врач. Как папа. Он ее вытащит.

Катя заплакала. Она долго плакала. Лиана села рядом и гладила ее по голове. Пришел Алик:

– Хочешь, пойдем сейчас посмотрим?

– Нет, все в порядке. Я завтра приду. Просто я очень боюсь.

– Не надо бояться. И плакать не надо. Нельзя.

– Не буду.

Катя, Володя, Алик и Нина вытащили, выцарапали маленькую Аллу. Володя пеленал, укачивал. Алик смотрел, назначал лекарства. Нина заваривала травы, договорилась насчет грудного молока. Брала у женщины – три рубля бутылочка. Даже Сашка помогал – тряс погремушкой. Только Регина ходила недовольная. Она вроде как оказалась лишней в этом круговороте вокруг ребенка.

Когда Алуше исполнилось восемь месяцев, Катя вернулась в Москву. Пришла в поликлинику – показаться. Доктор всплеснула руками:

– Совсем другая девочка, как вам это удалось? Я уж и не думала. Замечательный, здоровый ребенок.

– Да, я знаю.

Катя работала. Стала начальницей отдела машбюро в издательстве – теперь к ней обращались по имени-отчеству, Екатерина Андреевна. Аллу отдала в ясли. Потом на пятидневку в сад. Ясли и сад были хорошими – для детей членов Союза писателей. Владлен Синицын пристроил. Екатерина Андреевна передала просьбу через Лилию. Сама не стала звонить. Тот не отказал. Отделался малой кровью. Алла росла спокойным социализированным ребенком.

Екатерина Андреевна давно встала в очередь на квартиру – не могла она жить на Пятницкой. В квартире, где мама умерла. Сердце начинало ныть, как только за порог переступала. Екатерина Андреевна очень хотела переехать. Подальше. На окраину. Где зелени много.

Квартиру им дали от издательства, когда Алле пять лет было. В Чертаново. Самая окраина, дальше ехать некуда. Зато двухкомнатную. И комнаты большие. Их дом в округе назывался «Китайская стена», «Китайка» – потому что был длинный, с аркой посередине. Китайка совершенно не вписывалась в пейзаж. Вокруг стояли серые девятиэтажки, а Китайка была облупленно-голубая. Новая, а уже облупленная. Собственно, с этого времени Алла и помнила себя. У нее была поздняя детская память.

Тетю Лилю – мамину коллегу по работе Алла хорошо помнила. Она знала, что тетя Лиля помогла ей родиться. Мама ей рассказывала, как тетя Лиля ее в роддом отвезла, как деньги собирала на детские вещи. Они после этого и сблизились. К тому же Лиля знала, что отец Аллы – Владлен Синицын. Догадалась. Тетя Лиля считала Аллу своей «крестницей» и часто приезжала к ним в гости. И с переездом на новую квартиру помогала.

Лиля вышла замуж. Удачно. По большой любви. За Димочку – юриста из Роспосылторга. Лиля там подрабатывала

машинисткой на полставки. Лиля говорила, что с таким мужем не пропадет – Димочка был евреем.

Только со свекровью – Диной Матвеевной – у Лили отношения не сложились. Лиля Дину Матвеевну не любила и побаивалась.

– Как зыркнет на меня! – рассказывала Лиля Екатерине Андреевне. – Не знаю, что она там себе думает. И молчит. Лучше б сказала все как есть. Что ей нравится, что не нравится. А то молчит и смотрит. Ну ничего, внуки появятся – успокоится.

– Чем ты недовольна? Она же согласилась квартиру разменять. Как ты и хотела. – Екатерина Андреевна всегда была за справедливость.

Лиля действительно захотела разменять квартиру Димочки. И разменяла. Им досталась однушка, Дине Матвеевне – двушка. Лиля все равно была недовольна, хотя сама однокомнатную и выбрала.

– Почему ей двушка? – доставала она Димочку.

– Лиля, перестань. Ты хоть метры жилые посчитай. Там от двушки – одно название. И комната – проходная. С дверью на кухню. Тебе же там не понравилось.

Но у Лили все равно осталось чувство, что эти евреи – Димочка и Дина Матвеевна – ее обманули.

Димочка был не намного младше Екатерины Андреевны. Года на четыре. Но Екатерина Андреевна его всегда воспринимала как милого юношу. Поэтому и называла – Димочка.

Выглядел Димочка тоже как милый юноша – вечный джинсовый костюм, растянутые свитера.

Димочка во время их переезда помогал вещи перетаскивать и лифт держал. Хотя лучше бы не брался. У него от усердия все валилось из рук – развалился, например, старый журнальный столик, который еще Алла Сергеевна покупала. Столик был круглый, на трех ножках. Так у стола, как только до него Димочка дотронулся, все три ножки сразу отвалились, и тяжелый круг покатился по асфальту. Когда Димочка диван в комнату заносил, палец умудрился прищемить и диван бросил – себе на ногу.

– Дима, отойди, Катя, давай сами. – Лиля отодвинула мужа и взялась за угол дивана. Они затащили диван, подпихнули под шкаф картофельные дольки, чтобы скользил, и задвинули его в угол. Димочка потирал отбитую ногу и руководил.

Алла любила и тетю Лилю, и Димочку. Она тоже его так называла. Димочка всегда приносил «сюрприз» – конфету «Театральная». Это была их игра.

– В какой руке? – спрашивал он Аллу.

– В правой! – вскрикивала Алла.

Димочка показывал пустую руку.

– В левой. – Алла начинала подпрыгивать от нетерпения на месте.

Димочка опять показывал пустую ладонь. А потом доставал конфетку – из-за уха, из носа, из живота. Алла хохотала.

Димочка тоже.

Однажды он пришел с огромной коробкой – проигрывателем и стопкой детских пластинок. Водрузил агрегат в Аллиной комнате и показал ей, как ставить иглу на пластинку.

– Пусть слушает. Пусть много слушает, – сказал он Екатерине Андреевне. – Это развивает воображение и творческие способности.

С тех пор Димочка вместо конфеты приносил новую пластинку. Алла хлопала в ладоши.

– Димочка, послушай со мной, – просила Алла.

– Пошли, – серьезно отвечал Димочка.

Вместо прежней игры у них появился ритуал – новую пластинку они слушали вместе. Димочка садился на пол, рядом устраивалась Алла. Димочка всегда смотрел на вертящийся блин пластинки. А Алла смотрела на иглу – она легонько подпрыгивала и шуршала. Когда на игле скапливалась пыль, пластинка заедала на одном месте. Алла смеялась. Она даже специально ждала, когда пластинка заест. А Димочка снимал иглу, протирал специальной тряпочкой пластинку, сдувал пылинки и ставил на том же месте.

Димочка приносил пластинки не только для Аллы, но и для Екатерины Андреевны. Однажды принес пластинку Окуджавы. Поставил и попросил ножницы. Екатерина Андреевна принесла. Димочка аккуратно вырезал из картонного футлярчика для пластинки портрет Окуджавы и прикрепил на стену кнопками. Рядом Екатерина Андреевна по соб-

ственной инициативе повесила такой же вырезанный портрет Юрия Антонова. Но пришел Димочка и портрет снял. Еще и рассердился. А Окуджава долго висел на стене.

Екатерина Андреевна иногда просила Лилю и Димочку посидеть с Аллой. Когда задерживалась на работе.

Алла ждала, когда выпадет такой день. Тогда тетя Лиля и Димочка оставались у них на ночь. Можно было не ложиться вовремя и не чистить зубы. Алла могла заснуть в большой комнате на диване, под боком у тети Лили, или на кухне – на коленях у Димочки. Утром тетя Лиля жарила гренки с сыром. По особому рецепту – внизу хлеб был поджаренный, а сверху сыр расплывался. Алла обожала эти гренки, но Екатерина Андреевна такие жарить не умела – у нее либо низ сторал, либо сыр не плавился. Лиля приучила Аллу к гренкам – с медом, с вареньем. Самый любимый ее завтрак.

У Лили с Димочкой детей не было. Не получалось. Лиля сначала переживала, а потом плюнула – значит, не судьба, и загуляла. Димочка знал о бесконечных и скоротечных романах жены и страдал. Между окончанием одного романа и началом следующего Лиля приезжала к Кате – посплетничать. Они запирались на кухне и разговаривали. Екатерина Андреевна понимала, почему Лиля пустилась во все тяжкие, – не от большой радости, но не одобряла такое поведение. Алла ревновала тетю Лилю к матери и сердилась. Потому что тетя Лиля с Димочкой теперь приезжали к ним в гости по отдельности и больше не оставались на ночь. Тетя Лиля не

жарила гренки, Димочка забывал про пластинки.

– Лиля, ну пожалей ты Димочку. Нельзя же так. Он же мучается, – убеждала Екатерина Андреевна подругу.

– А пусть не мучается. Пусть уходит, я его не держу.

– Он же тебя любит. А ты этого не ценишь.

– Ну и пусть любит на здоровье. Или тоже загуляет. Мне все равно. Хоть с тобой.

– Лиля, не говори глупости. Тоже еще выдумала.

– А что? Он к тебе равнодушен.

– Замолчи, Лиля. Димочка – порядочный человек. Держалась бы ты за него. А то останешься как я, одна. Думаешь, лучше?

– У тебя Алка есть. Что тебе еще надо?

Екатерина Андреевна так и не смогла признаться подруге. Димочка, может, и порядочный человек, да вот она – Катя – не очень. Было у них с Димочкой. Один раз. Засиделись на кухне, вина много выпили. Димочка говорил, как любит Лилю. Екатерина Андреевна прижала его к груди и гладила по голове – жалела. А Димочка на близость женской груди среагировал адекватно.

Они про этот вечер потом не вспоминали. Как будто ничего и не было.

Неизвестно, чем бы закончилась семейная жизнь Димочки и Лили, если бы Лиля вдруг не забеременела. От кого – не говорила, но явно не от Димочки. Приехала к Екатерине Андреевне, заплаканная. Глаза вытарашенные, испуганные.

Она так долго мечтала о ребенке, а теперь не знала, что с ним делать.

– Что делать? – спросила Лиля Екатерину Андреевну.

– Рожать.

– А Дима?

– А Дима отцом будет.

– Он согласится? Не его же ребенок.

– Поговори с ним.

Разговор состоялся в большой комнате в доме Екатерины Андреевны. Лиля с Димочкой сидели на диване, держались за руки и плакали. Лиля понимала, что Дима не из-за нее плачет, а из-за себя. Кто-то другой смог сделать Лилю счастливой, а он не смог. Но Екатерина Андреевна оказалась права – Димочка не раздумывая согласился записать ребенка на себя.

Лиля родила мальчика. Чернявенького. Маратиком называли. Алла с мамой и Димочкой поехали в роддом – встречать тетю Лилю с малышом. Димочка курил и чувствовал себя лишним. Алла держала цветы. Екатерина Андреевна – чемодан с Аллиными детскими вещичками – пеленками, распашонками. Дина Матвеевна ехать встречать чужого внука отказалась.

Лилю как подменили – она превратилась в дерганую истеричку. На Маратике свет для нее сошелся клином. Маратик рос болезненным и избалованным.

Алла его терпеть не могла. И тетю Лилю тоже разлюбила

– из-за Маратика. Они опять к ним в гости зачастили. Лиля сдавала Алле Маратика и шла на кухню – жаловаться Екатерине Андреевне на Димочку.

Димочка хотел полюбить ребенка, но так и не смог. Начал попивать, втихаря. Лиля не замечала – не до того было, а Екатерина Андреевна сразу поняла.

– Он к нему даже не подходит! – кричала на кухне Лилечка. – С твоей Алкой вон как возился, а этого даже на руки не берет.

– Его можно понять, – заступалась за Димочку Екатерина Андреевна. – А потом, ты Маратика совсем распустила. Совершенно неуправляемый. Что ты с ним потом делать будешь? К люстре привязывать?

– Ой, тоже мне нашлась Макаренко. За своей смотри. У Маратика тонкая нервная организация. Он необычный ребенок. К нему нужен особый подход.

– Ремень ему нужен, вот и весь подход.

– Вот свою и лупи. А я считаю, что это не метод. Я Димку прошу – принеси что-нибудь вкусное для Маратика, – тетя Лиля возвращалась к своей любимой теме, – у них в Роспосылторге и салями можно взять, и икру, и рыбку. А он знаешь, что берет? Вино или коньяк. И сам дует в одно горло.

– Но он же тебе деньги все отдает.

– Отдает. А ты знаешь, сколько творог на рынке стоит? Я Маратику по двести граммов беру. А ему каждый день нужно – для косточек.

– Раздави яичную скорлупу и давай. Тот же кальций.

– Он не будет эту гадость есть.

– Тогда таблетки купи.

– Не верю я в эту химию. Только желудок портить.

Тетя Лиля и в гости со своей, то есть Маратиковой, едой приезжала. Доставала из пакетов эмалированную кастрюльку, тарелочку отдельную и кормила с ложечки, тоже специально привезенной.

– Пусть сам ест. Пора уже, – говорила Екатерина Андреевна.

– Ничего, еще научится. Давай, золотце, еще ложечку.

Маратик сжимал зубы и отворачивался от ложки. Если видел, что мать потеряла бдительность, опрокидывал тарелку. Тетя Лиля вытирала, накладывала очередную порцию. Аллу тоже сажали есть, даже если она не была голодная. Алла послушно садилась и ела, хотя ей тоже хотелось перевернуть тарелку.

– Смотри, Маратик, как Алуша кушает. Хорошо кушает. Вон какая большая выросла. Ты тоже вырастешь. Давай, поешь вместе с Аллой.

Пока Маратик был маленький, Алла его еще терпела. Играла с ним в ладушки или в сороку-белобоку. Крутила своим пальцем по ладошке, загибала ему пальчики. Маратик то смеялся, то вдруг начинал плакать надрывно. Алла сажала его на колени и играла «по кочкам, по кочкам, по маленьким дорожкам». Маратик опять смеялся. А как только Алла пре-

кращала – начинал плакать. Когда Маратик постарше стал, Алла уже не хотела с ним играть. Маратик был толстый, рыхлый, в вечных соплях, которые вытирал рукавом. И вместо рыданий начинал орать на всю квартиру как резаный. Из-за ерунды. В комнату врывалась тетя Лиля.

– Что, Маратик, что, моя рыба? Что случилось, мой золотой? – причитала она.

Маратик рыдал и показывал пальцем на Аллу.

– Алла, почему он плачет? Что ты сделала? – накидывалась на Аллу тетя Лиля.

– Ничего я ему не сделала. Он свой трактор сломал, вот и орет. Я ему сказала, чтобы он не трогал мои тетради, а он начал стучать трактором по столу. И тетрадь мне чуть не порвал.

– Алла, ты уже взрослая, а Маратик маленький. Ты должна уступать.

– Я уступаю – другую тетрадь ему дала. А он все равно орет.

Уходили они всегда с концертом. Маратик ложился на лестничной клетке, бил ногами по полу и орал на весь дом.

– Маратик, сокровище мое, пойдем. Домой пора. Хочешь, нажми кнопочку лифта, – крутилась вокруг тетя Лиля.

– Не-е-ет, не пойду, – вопил Маратик.

– Что, что ты хочешь? Скажи маме.

– Мишку-у-у, – орал на одной ноте Маратик.

– Какого мишку?

– Моего мишку он хочет. – Алла тоже готова была расплакаться. – Не отдам. Он уже все игрушки мои по забирал. И лошадку, и зайца. Не отдам. Мишка – мой любимый. Почему я ему все должна отдавать? Это мои игрушки.

– Аллочка, отдай ты ему, я тебе другого куплю. Еще лучше, – упрашивала дочь Екатерина Андреевна.

– Не нужен мне другой. Мне этот нужен.

– Алла, ты злая жадная девочка. Ребенку игрушку пожалела, – вступала в спор тетя Лиля.

Эти споры входили в программу концерта. Алла знала, что все равно Маратик настоит на своем и ей придется отдать игрушку. И обижалась на мать – почему она ее не защищает?

Алла окончательно потеряла веру в справедливость взрослых, когда узнала, что тетя Лиля купила Маратику попугайчика. Алла давно просила у матери собаку, или кошку, или черепаху, но Екатерина Андреевна к животным была равнодушна. А Маратик захотел и получил.

Попугая назвали традиционным попугайским именем Кеша. Тетя Лиля утверждала, что он будет разговаривать. Маратик, конечно, попытался оторвать Кеше лапку, после чего попугайчик стал прихрамывать. Клетку перенесли на кухню и поставили на холодильник, чтобы Маратик не достал. А у тети Лили появилась еще одна тема для жалоб.

– Ты представляешь, – говорила она Екатерине Андреевне, – я его кормлю, клетку чищу, а он меня клюнуть норовит. А у этого, – имелся в виду Димочка, – с руки ест и на

плечо садится.

– Не было у бабы заботы, купила баба порося, – отшучивалась Екатерина Андреевна.

Однажды тетя Лиля приехала к ним в гости с Маратиком и Кешей.

– Вот. Держи. – Она грохнула клетку на кухонный стол.

– Ты что, Лиль? С ума сошла? – Екатерина Андреевна стала стаскивать клетку со стола.

– Забирай. Я тебе и корм привезла.

– Лилия, я его не возьму. Я не умею с птицами обращаться.

– Зато этот умеет. – Даже Алла уже знала – «этот» значит Димочка.

– Что случилось?

– А ничего, мало того что сам пьет, так еще и птицу спаивает. Прихожу я вечером домой, а этот, – теперь Лилия имела в виду Кешу, – говорит: «Кеша хочет водки». Этот наливал этому вместо воды. Я, когда услышала, чуть в обморок не упала. А у меня Маратик маленький.

– Так мне что, его водкой поить?

– Чем хочешь. Алла у тебя давно живность просит. Вот, пусть возится.

– Мамочка, давай Кешу возьмем, – попросила Алла.

– Лилия, я не хочу, чтобы в моем доме жил хромой алкоголик. Даже если он и попугай.

– Мамочка, ну пожалуйста. Я буду за ним ухаживать. И клетку буду сама чистить, – просила Алла.

Екатерина Андреевна сдалась. Но Кеша переезд не перенес. Через три дня Екатерина Андреевна нашла его лежащим на дне клетки кверху лапками. Она позвонила Лиле:

– Лиля, что делать? Он лежит и не двигается.

– Сделай ему искусственное дыхание, – засмеялась Лиля. – Рот в рот. Или клюв в клюв.

– Ты с ума сошла?

– Что делать? Выброси. Вместе с клеткой.

– Лиля, а почему он умер?

– А наверное, ты ему опохмелиться не дала. – Лиля продолжала веселиться. – Этот ему пивка с утра наливал.

Екатерина Андреевна с Аллой положили Кешу в коробку из-под обуви, взяли детскую лопатку, сели в автобус и поехали до конечной остановки. Там лес начинался. Они похоронили Кешу под деревом. Алла плакала. Она нарвала одуванчиков и положила на холмик.

Вернулись домой. На лестничной площадке сидела тетя Лиля.

– Ты что тут делаешь? – удивилась Екатерина Андреевна.

– Тебя жду.

– А Маратик где?

– У соседки.

– Что-то случилось?

– Случилось.

Они вошли. Аллу отправили в комнату – делать уроки. Тетя Лиля с Екатериной Андреевной закрылись на кухне.

– Ну, рассказывай, – сказала Екатерина Андреевна.

– Это ты мне рассказывай.

– Что?

– Как ты с Димкой переспала.

– Господи, Лиля.

– Что – Лиля? А еще говорила – он порядочный, ничего не может быть...

– Да ничего и не было. С чего ты взяла? – Екатерина Андреевна еще пыталась отговориться.

– Он сам мне рассказал. Напился и рассказал. Какая ты замечательная, какая нежная, какая внимательная...

– А с чего вдруг?

– Он разводиться захотел. Видите ли, решил начать новую жизнь. Сказал, что изменял мне. С тобой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.